

Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в.

В 1886 г. со штаб-квартирой в Бухаресте была создана Балканская агентура департамента полиции Российской империи. В ее функции входили слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. Первоначально ее возглавил А.Е. Мищенко, которого в 1890 г. сменил ротмистр Отдельного корпуса жандармов, а затем полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его скоропостижной смерти в Петербурге в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. Однако результаты ее работы не оправдали возложенных на нее департаментом полиции надежд, что в 1904 г. привело к упразднению этого органа как самостоятельного подразделения политического сыска. Функционирование этой агентуры и деятельность ее агентов сами по себе являются предметом отдельного исследования, найдя отражение в фундированных работах российского историка В.Б. Каширина¹.

В ведении данной агентуры находились Румыния, Болгария и Сербия, а среди ее добровольных осведомителей было немало известных балканских политических фигур, в том числе и сербских, составлявших к тому же ядро оппозиции королевской власти. Как отметил В.Б. Каширин, «власти Румынии, Болгарии и Сербии нисколько не возражали против присутствия на их территории агентов русской охранки, которые находились там с их ведома и согласия, в целях дипломатически согласованной борьбы с терроризмом»².

В рамках данного исследования мы, на основе документов агентуры, руководители и сотрудники которой волей-неволей оказались вовлечены в бурные процессы внутривосточной жизни Сербии начала XX в., постараемся рассмотреть замысло-

ватые перипетии политики Королевства, приведшие к уничтожившему правящую династию Обреновичей военному перевороту 29 мая (11 июня) 1903 г. В этом смысле материалы агентуры существенно помогают исследователям в изучении причин, приведших к роковой для правящей сербской чете ночи.

Судя по всему, в Сербии добровольных осведомителей Балканской агентуры было немало³. Среди них отметим Йована Джайу — известного политика, соратника находившегося тогда в оппозиции режиму выдающегося сербского государственного деятеля и лидера Радикальной партии Николы Пашича, министра сербской полиции, а после отставки — редактора и издателя сербской газеты «Народ». Причем, это сотрудничество он откровенно связывал как со своим участием в характерных для сербской политики начала XX в. межпартийных дрязгах, так и со своим отношением к королевской чете и ее политике. Как замечал В.В. Тржецяк: «Джайа, бывший министр полиции в Сербии, предлагает полные свои услуги в качестве политического или полицейского сотрудника России. Содействие Джайи, как тайного сотрудника России, в особенности важно ныне, когда можно ожидать перемен политики Сербии в сторону Австрии. Джайа, пользующийся своим влиянием и симпатиями у короля Александра и стоящий в оппозиции крайних радикалов⁴, предлагает, если бы король Александр перешел на сторону Австрии, вывести его и отстранить его династию от престола и дать Сербии то лицо, которое угодно будет России»⁵. Подчеркивая значимость Джайи как русского агента, Тржецяк не преминул заметить, что тот «принимал участие в вывозе из Сербии короля Милана, на что покойным императором А[лександром] III было, по словам Джайи, уплачено 2.000.000 фр. Паспорт Милана подписан Джайей. Посланник Чарыков* считает Джайю нужным и секретным работником, имеющим в Сербии большие связи, от которых он неоднократно получает разного рода услуги»⁶.

Напомним читателю, что в данном случае речь шла о событиях конца XIX в., которые ярко проиллюстрировали тупик влас-

* Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) — российский дипломат, в 1900–1905 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии. В 1908–1909 гг. был товарищем министра и специалистом по балканским делам.

ти короля Милана Обреновича, решившего после Берлинского конгресса 1878 г. связать будущее своей страны с интересами Австро-Венгерской империи. Неприятие предложенного курса обществом, прежде всего лидерами влиятельной Радикальной партии, поражение сербской армии в скоротечной войне с Болгарией 1885–1886 гг., серьезное осложнение отношений с Россией, вызвали в стране глубокий кризис власти. В январе 1889 г. Милан Обренович отрекся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. До его совершеннолетия для управления страной был назначен Регентский совет, состоявший из преданных династии лиц, — генералов К. Протича и Й. Белимарковича, а также лидера Либеральной партии страны Й. Ристича. С февраля 1891 г. правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер радикалов Н. Пашич. Сам же Милан покинул страну, а Скупщина вынесла решение о запрещении ему въезда в Сербию, причем, он ежегодно получал от правительства 300.000 франков. К тому же в 1892 г. Милану были заплачены упоминаемые в донесении Тржецяка два миллиона за отказ от родительских прав на сына и от сербского престола.

В апреле 1893 г. Александр Обренович совершил государственный переворот и, досрочно провозгласив себя совершеннолетним (он родился в 1876 г.), взял власть в свои руки. Было сформировано новое, коалиционное правительство напредняков и радикалов во главе с Л. Докичем — бывшим воспитателем Александра. Н. Пашич был смещен с поста посланника Сербии в России. Милан вернулся в страну и фактически стал соправителем сына. В апреле 1894 г. специальным королевским указом ему было возвращено сербское подданство и права члена королевского дома, что вызвало явное неодобрение российских правящих кругов. По воспоминаниям министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа, император Александр III в разговоре с Н. Пашичем «нашел в себе достаточно любезности, чтобы сказать: “Когда же скот Милан покинет Сербию?”»⁷.

24 июня (6 июля) 1899 г. на Милана Обреновича было совершено покушение (так называемый «иванданский атентат»). Непосредственный исполнитель покушения 25-летний С. Кнежевич, несмотря на свои заявления о невиновности, немедленно

был приговорен к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение в тот же день. Событие это было использовано Миланом для очередного удара по лидерам Радикальной партии. Вскоре были арестованы видные ее деятели — К. Таушанович, А. Станоевич, Л. Живкович, а также лидер партии Н. Пашич. Это событие вызвало череду отставок в кабинете министров. Своих постов лишились Й. Андонович, министр внутренних дел, и С. Лозанич, министр общественных работ. Новым министром внутренних дел стал лично преданный Милану либерал Д. Генчич. Действительно, это покушение можно рассматривать как неудачную попытку укрепления власти Милана и удобный повод для расправы с ненавистными ему радикалами. Но экс-король, судя по всему, решил пойти дальше. Буквально сразу после покушения по Белграду поползли слухи о причастности к нему российской полиции. Будзилович доносил в департамент полиции в апреле 1900 г. из Бухареста, что в немецкую газету «Vukarester Jagblatt» (редактор которой Герман Бомхес, как отмечал Будзилович, «мой хороший знакомый») из Белграда поступила статья некоего Петровича, в которой говорилось, что начальник русской секретной службы состоял «в сношениях с Княжевичем [так в тексте. — Я. В.], во время проживания последнего в Бухаресте, который затем покушался на жизнь экс-короля Милана»⁸. Будзилович быстро установил, кто скрывался под фамилией Петрович. «По выяснении в Белграде личности автора “Петровича”, указывавшего адрес “Hotel Imperial”, оказалось, что Петрович в гостинице “Imperial” не проживает, а что на эту гост[иницу] на имя Петровича получает письма быв[ший] министр полиции в Белграде Генчич, ближайший сподвижник и друг Милана»⁹. Будзилович, отрицая какую-либо связь с Кнежевичем, особо подчеркнул в конце донесения: «Что же касается Княжевича, то таковой мне совершенно неизвестен»¹⁰.

Подозрения о причастности российских агентов к покушению были и у Александра Обреновича. Эти недоразумения удалось уладить лишь в декабре 1900 г., а развеять существовавшие у Александра подозрения, немало способствовал конфликт между отцом и сыном. Будзилович, после полученной у короля Александра аудиенции, заметил: «Всекие предположения о моей

причастности в покушении на жизнь Милана развеяны»¹¹. Однако в январе 1901 г., уже после смерти Милана, министр внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягин запросил у Ламздорфа донесения поверенного при сербском дворе П.Б. Мансурова, в которых тот «по просьбе его величества короля Александра сообщал будто бы министерству иностранных дел, для доклада государю императору, сведения об участии представителей русской заграничной политической полиции в заговоре на жизнь бывшего сербского короля Милана»¹².

Между тем положение последних Обреновичей было непрочным не только из-за непродуманной политики. Не последнюю роль в дискредитации династии сыграла их личная жизнь. В 1875 г. Милан женился на Наталии, урожденной русской подданной Кешко. В октябре 1888 г. он с ней развелся. Основной причиной разрыва сербской королевской четы стала связь Милана с Артемизией Христич, у которой от него родился сын Георгий. Это обстоятельство было использовано противниками режима для дискредитации власти Обреновичей. Как заметил политик В. Джорджевич, бывший с 1897 по 1900 гг. премьер-министром Сербии, «семейные распри в господствующем доме, начавшиеся с князя Милоша и продолжавшиеся до развода короля Милана, вызвали еще разлад между защитниками мужа и сторонниками королевы»¹³.

Не меньший скандал в патриархальном сербском обществе вызвала женитьба короля Александра на своей фаворитке Драге Машин, женщине значительно его старше и к тому же пользовавшейся дурной репутацией. Торжественное венчание короля состоялось 23 июля 1900 г. в белградской соборной церкви. Это событие, безусловно, ускорило крах династии. Даже Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Находясь в это время за границей, он после объявления помолвки порвал с ним и, отказавшись возвращаться на родину, умер в январе 1901 г. в Вене. Причем, как показывают документы Балканской агентуры, его смерть еще больше обострила династический вопрос, который мог стать предметом открытого вмешательства в дела Королевства со стороны Австро-Венгрии. Будзилович в своем донесении от 14 марта 1901 г. отмечал, что австрийское правительство

предложило бывшей любовнице короля переехать из Константинополя в Вену, «дабы завладеть всеми подлинными и фотографированными письмами Милана. Кроме того, имеет в виду предложить Артемизии 400 тыс. франков как материальное обеспечение ее сына, происходящего от короля Милана, возвести его в графский титул, воспитать и образовать на средства австрийского правительства и в будущем выставить его наследником сербского престола. Не сомневаюсь, что эти происки Австрии в будущем могут создать для Сербии некоторые осложнения, тем более что Австрия может встретить поддержку в своих подпольных происках в среде сторонников короля Милана, проживающих в Сербии, которые, несмотря на смерть последнего, остаются солидарными со стремлениями Австрии»¹⁴.

В связи с этим полковник (что, несомненно, выходило за рамки его компетенции) предложил отправить незаконнорожденного сына Милана в одно «из русских учебных заведений, например, в Пажеский корпус, или другое заведение, и по окончании [он] навсегда остался бы на службе в России, на что, по имеющимся указаниям, воспоследует согласие его матери, при условии, если король Александр, в обеспечение будущности ребенка, выдаст единовременно 400 тыс. франков». В.Н. Ламздорф в приватном письме министру внутренних дел Д.С. Сипягину отметил, «что о существующих будто бы намерениях Австрии относительно устройства судьбы незаконного сына покойного короля Милана, министерство иностранных дел уже поставлено было в известность послом нашим в Константинополе, из депеши коего по этому поводу явствует, что полковник Будзилович получил сведения об означенных планах от одного из членов вверенного д.т.с. Зиновьеву посольства». При этом министр иностранных дел, раздраженно подчеркнув, что «полковнику Будзиловичу следует исключительно руководствоваться указаниями посланника нашего в Белграде, снабженного от министерства иностранных дел всеми нужными инструкциями и прежде всего ответственного за правильное направление нашей политики в Сербии», отметил: «Определение незаконного сына почившего короля Милана в одно из русских учебных заведений, для оставления его затем на русской службе, представляется безусловно нежелатель-

ным: осуществление подобного предположения могло бы лишь вселить в сербском короле сомнение в искренности намерений России и благожелательного к нему отношения, в противность основным началам политики императорского правительства»¹⁵. Несколько позже, в январе 1903 г., российские правящие круги были встревожены сообщениями о том, что некто Вильям Брендель из Мюрццушлаге (Штирия) «выдает себя за сына покойного короля Милана и королевы Наталии, рожденного ими до брака, и указывает, что в силу этого обстоятельства он мог бы явиться претендентом на сербский престол»¹⁶.

С другой стороны, сам Милан, раздраженный выходившей за все рамки приличия женитьбой Александра, видимо, пытался устроить заговор против собственного сына. В конце 1900 г. Будзилович доносил, что «около недели тому назад агенты Милана выкрали на болгарской уже территории (между Пиротом и Софией) почтовую сумку, в которой было собственноручное письмо короля Александра к князю Фердинанду и письмо сербского министра иностранных дел к сербскому консулу в Софии. Письма эти имели важные политические предложения. После этой кражи Милан посетил Бухарест, где провел три дня и делал разные политические предложения Румынии в ущерб Сербии и Болгарии, но, кажется, его предложения забракованы, и он убрался в Австрию»¹⁷.

Косвенное подтверждение этих планов мы также нашли в одном из донесений посланника Н.В. Чарыкова, отправленном им 21 ноября 1901 г., т.е. уже после смерти Милана: «Покойный король Милан оставил или же еще при жизни вручил императору Францу-Иосифу мемуар, в котором он высказал различные обвинения против короля Александра и его супруги и, между прочим, приписал своему сыну какие-то враждебные России выходки и обязательства. По сведениям короля, означенный мемуар был недавно доставлен из Вены в Петербург, и этим король готов был объяснить упорные слухи об охлаждении к нему русского правительства»¹⁸. Далее российский дипломат отмечал: «Наконец, король рассказал, что покойный полковник Будзилович (Грабо) передал ему секретно, через сербского посланника в Софии, что он, Грабо, получил из Петербурга от своего начальства письмо,

написанное симпатическими чернилами и сообщавшее, что происки врагов короля увенчались успехом и что поездка сербской королевской четы не состоится. Вызванный в Белград, Грабо упомянутого письма королю не показал, взялся лично выяснить дело в Петербурге, просил короля снабдить его письмами и выказывал другие странности»¹⁹. Тот же Чарыков резюмировал: «Мемуар его отца, вероятно, существует. Письмо из Петербурга, химическими чернилами, вернее всего выдуманно, может быть, тем Вейсманом, который служил тайным агентом Грабо в Софии и Белграде»²⁰.

Переполох в петербургских кругах вызвали и сообщения о беременности королевы Драги. Вскоре после свадьбы молодой король сделал публичное заявление о скором рождении наследника престола. Официальное сообщение об этом было напечатано 26 августа 1900 г. в газете «Српске новине»²¹, что вызвало противоречивую реакцию у аккредитованных в Белграде иностранных дипломатических представителей. При этом Будзилович опрометчиво «доложил королю поручение его сиятельства графа Ламздорфа касательно того, что государь император будет восприемником его сына и что наше правительство всегда будет поддерживать династию Обреновичей». Причем, подобные заявления жандармского полковника, видимо, пытавшегося таким образом, в обход МИД, завоевать особое расположение сербского монарха, опять же вызвали недоумение руководства внешнеполитического ведомства. В.Н. Ламздорф в письме Д.С. Сипягину раздраженно отмечал: «Вследствие сего почитаю долгом осведомить, что в объяснениях моих по делам королевства с полковником Будзиловичем я действительно коснулся вопроса о престолонаследнике, но ограничился при этом лишь указанием на щекотливый его характер, ввиду ходивших слухов о намерении Австро-Венгрии не признать законным рождение сына у королевы Драги, и весьма вероятно, в силу обычая обращения короля Александра к государю императору с просьбой быть восприемником новорожденного (так в тексте. — Я. В.). Я не признал, однако, возможным давать какие бы то ни было “инструкции” полковнику Будзиловичу, которому выразил только мнение о желательности следить, в доступной мере, за дальнейшим развитием означенного вопроса, всякие сведения о поло-

жении коего не лишены для нас немалого интереса, вследствие существенного политического значения дела»²².

Вскоре в Белград прибыли французский доктор Коле и известный русский врач-гинеколог В.Ф. Снегирев, что Будзилович тоже отнес на свой счет. Об этом он прямо писал заведующему заграничной агентурой департамента полиции Л.А. Ратаеву: «В виду того, что наш дип[ломатический] представитель Мансуров, умнейший человек, был очень озабочен распускаемыми Австрией и Миланом слухами, что королева Драга вовсе не беременна, что она не в состоянии по физическим условиям иметь детей и что ныне она подкладывает себе подушки, чтобы показать, что она в интересном положении, я посоветовал Мансурову, под видом большой гарантии жизни королевы и будущего ребенка, переговорить с королем, не пожелает ли он выписать акушера-врача из России. Король охотно ухватился за это предложение, и акушер ожидается около 20 февраля. Таким образом, наша миссия иностр[анных] дел от русского акушера будет в точности знать как истинное состояние королевы Драги, так и время родов, на которых тот же акушер будет присутствовать. По словам короля, ребенок ожидается в апреле»²³.

Проведенный Снегиревым врачебный осмотр королевы подтвердил имевшие место опасения. Уже после переворота, в июле 1903 г., бывший сербский премьер В. Джорджевич напечатал в австрийских газетах обширную статью «Последний Обренович», в которой указал, что, получив известие о вымышленной беременности Драги, король вызвал министра внутренних дел и «самым серьезным тоном» приказал ему арестовать Снегирева, а жандармам «отхлестать его»²⁴. Конечно, исполнить такой приказ (если он действительно был), который мог бы вызвать самые нежелательные последствия для Александра Обреновича, никто не решился. Однако одновременно с этим известием выяснилось, что старшая сестра королевы Христина также ждет ребенка. В Белграде поползли слухи о возможной подмене младенцев²⁵, усиливавшиеся сообщениями о том, что у Александра, видимо, под влиянием королевы, возникла мысль назначить наследником сербского престола ее брата Никодима Луневица²⁶. За восемь дней до переворота В.В. Тржецяк получил письмо от своего ос-

ведомителя, в котором говорилось, что «бывший министр внутренних дел Никола Стефанович отправился к королеве Наталии для переговоров, чтобы она возвратилась обратно в Сербию заменить Драгу»²⁷. После этого участь правящей династии была фактически предreshена.

Не состоялся и планировавшийся во второй половине 1901 г. визит сербской королевской четы в Петербург. Ожидания от этого визита, в ходе которого должно было состояться официальное представление петербургскому двору Драги как законной супруги Александра, были высоки. В беседе с Будзиловичем король «с особой горячностью выразил желание быть принятым вместе с королевой Драгой их величеством государем императором и государыней императрицей в течение сего года, оговорившись, что визит этот он предпочел сделать в сентябре или первой половине октября сего года, в Ялту, если их величества будут там проживать, так как направляясь в С.-Петербург, выразился король, “я должен буду проследовать через Австрию, чего я крайне не желал бы, следуя же в Ялту, я проеду пароходом по Дунаю до Рени или до Одессы и затем проеду по русской территории”»²⁸.

Александр усматривал в отмене визита происки Н.В. Чарыкова, заступившего на пост российского посланника в сентябре 1900 г. В связи с этим он просил полковника Будзиловича поехать в Петербург, как писал в МИД Мансуров, чтобы «личными объяснениями помочь несколько разъяснению тревожащего его величество и всю Сербию вопроса»²⁹. Однако неожиданная смерть Будзиловича не позволила осуществить эти замыслы. Тем не менее новый глава агентуры Тржецяк при аудиенции у сербского короля отметил, что Александр «очень интересовался обстоятельствами смерти полковника Будзиловича, к которому он, по-видимому, питал большое доверие и уважение», а также «результатами предсмертной поездки моего предшественника в г. Петербург». Тржецяк вполне откровенно ответил, что «полковник Будзилович был принят графом Ламздорфом, и поручение его величества было им исполнено в точности, но последствия этого дела мне неизвестны»³⁰.

Не смогло улучшить сдержанного отношения российских правящих кругов к правящей династии и посещение Сербии

В.Н. Ламздорфом в декабре 1902 г. Причем, во время встречи в Нише с российским министром иностранных дел король Александр выдвинул прямые обвинения в адрес российского посланника в Белграде. Он указал, что Чарыков не только вводил его в заблуждение по поводу сроков предполагаемой поездки в Россию, но и пытался вмешиваться во внутренние дела Сербии, открыто выступая против назначения главой кабинета Димитрия Цинцар-Марковича³¹. Обращение Александра, тем не менее, осталось без последствий. В частном письме к Чарыкову Ламздорф указывал, что король, «чувствуя, что в его поведении были некоторые погрешности», «пытается свалить ответственность за них на других». Далее российский министр отмечал: «Придавать особого значения этому приему не следует, и в Ваших дальнейших отношениях с его величеством Вам лучше было бы совершенно игнорировать факт его обращения ко мне»³².

Заметим, что пренебрежительное отношение к свадьбе Александра было характерно и для европейских монархических домов, а новой королеве Сербии так и не пришлось быть когда-либо принятой на высшем, официальном уровне. Показателен в этом смысле первый официальный заграничный визит сербской правящей четы в январе 1903 г. в Крушедол на могилу Милана Обреновича. Австро-венгерские власти, несмотря на оказание Александру и Драге внешних почестей на местном уровне, соответствующих их статусу, тем не менее выразили вполне определенное к ним отношение: император Франц-Иосиф категорически отказался прислать одного из эрцгерцогов для их официального приветствия. «Никакого проявления почтения или расположения вне минимальных рамок официального приличия король добиться не мог, и здешний австрийский посланник говорил мне не без пренебрежения о том, как король старался преувеличить значение тех самых простых форм, которые были в отношении него соблюдены», — сообщал в Петербург Н.В. Чарыков³³.

Однако все эти, подрывавшие авторитет правящей династии, перипетии личной жизни связаны с одним важным обстоятельством, а именно с тем, что руководство Балканской агентуры оказалось напрямую причастно к обеспечению личной безопасности Александра Обреновича. В ноябре 1900 г. Л.А. Ратаев телегра-

фировал Сипягину: «Заведующий агентурой в Румынии полковник Будзилович был вызван на днях сербским королем. Ныне телеграфирует, что имеет личное поручение от короля, просит разрешение на приезд в Петербург. Полагаю направить его прямо в Ялту для доклада вашему превосходительству»³⁴.

Вскоре Будзилович отправился в путь. По дороге из Одессы, 4 декабря 1900 г., он направил Ратаеву телеграмму, раскрывавшую суть просьбы сербского монарха: «Король поручил мне на его средства, под моим руководством, устроить немедленно его личную маленькую секретную полицию, задачи которой заключаются: А) наблюдение за всеми передвижениями короля Милана особо, в случае намерений Милана возвратиться в Сербию король Александр мог бы своевременно принять меры о его недопущении; Б) выяснение приверженцев Милана в Белграде и их замыслов по отношению к королю Александру и королеве Драге и В) наблюдение вообще за анархистами. Король приказал министру внутренних дел (полиции) оказывать мне полное содействие и исполнять все мои требования, а равно открыть мне карты по всем вопросам, могущим иметь для меня интерес». Причем, глава Балканской агентуры предполагал закончить организацию этой «личной маленькой секретной полиции» уже к середине января 1901 г. Изначально расходы на ее содержание должны были составлять 80 тыс. франков, однако, в виду смерти Милана, Будзилович высказал королю Александру мнение, «что теперь, по изменившимся обстоятельствам, агентура может быть сохранена в значительной степени, причем, вместо 80.000 фр., назначенных в год, можно ограничиться 36 тыс. фр.»³⁵.

Существенную роль в организации данной структуры сыграл авантюрист А.М. Вейсман. Мы не будем подробно останавливаться на всех перипетиях биографии этого «талантливого», известного на Балканах шарлатана и махинатора, отец которого, имевший кличку «Ястреб», был владельцем дома терпимости в Одессе. Интересующегося этой фигурой читателя отошлем к уже упомянутой нами блестящей монографии В.Б. Каширина³⁶. После смерти Будзиловича Вейсман попытался встать во главе заграничной агентуры и даже ездил с этой целью в Петербург и представлялся самому Л.А. Ратаеву³⁷. Однако именно его мно-

гочисленные аферы, нечистоплотность в денежных вопросах, отправляемые им сомнительные донесения явились одной из главных причин закрытия Балканской агентуры. Не случайно российский посланник в Софии Бахметьев высказался в отношении Вейсмана весьма определенно: «Я, конечно, далек от мысли уничтожить или уменьшить тайный надзор над могущими находиться здесь злоумышленниками; напротив, в настоящие времена он более, чем когда-либо, необходим — береженого бог бережет, — но это весьма трудное и деликатное дело должно было бы быть поручено людям с некоторым тактом и служащим отечеству от души, а не вполне скомпрометированному еврею, который принесит гораздо больше вреда, чем пользы»³⁸.

Но без услуг Вейсмана, видимо, было не обойтись. При этом «маленькая секретная полиция» приносила ему неплохой доход. По сведениям В.В. Тржецяка, «в последние годы жизни полковника Будзиловича сотрудник Вейсман был главным организатором охраны покойного сербского короля Александра, на содержание которой король уплачивал вначале около 70.000 франков в год, а затем, со смертью бывшего короля Милана, сумма эта уменьшена. Из этого отпуска львиную долю (12.000 франков в год) получал сотрудник Вейсман, который был главным распорядителем охранной службы при короле. Обстоятельство это еще более упрочило служебное и материальное положение Вейсмана и еще более убедило его в том, что он якобы является главным агентурным работником департамента полиции в Болгарии и Сербии»³⁹. Не случайно вскоре после смерти Будзиловича Вейсман явился к Н.В. Чарыкову с целью выяснить состояние финансовых счетов агентуры, объявив российскому посланнику, что он «будто бы имеет поручение от департамента полиции выяснить состояние счетов покойного Грабо с сербским правительством и узнать, получил ли Грабо от сербской казны все деньги, которые следовали ему по 1 января будущего года. Эти сведения требуются для определения доли оставшейся после Грабо суммы, подлежащей выдаче его наследникам, а также для производства расчета с его бывшими служащими»⁴⁰.

Смерть Будзиловича внесла коррективы в дело охраны короля Александра, который, в свою очередь, был заинтересован в про-

должении подобного сотрудничества. Он встречался по этому вопросу с Вейсманом и Тржецяком, причем, старался публично не афишировать свои связи с Балканской агентурой, пытаясь, учитывая непростой характер взаимоотношений, скрыть их от российского посланника Чарыкова⁴¹. Новый глава агентуры В.В. Тржецяк доносил в Петербург, что «сербский король просит учредить наблюдение за его политическими деятелями и за происками Австрии. В случае согласия будут нам сделаны официальные шаги, но не через Чарыкова»⁴².

Тем не менее В.В. Тржецяк, видимо, при поддержке русского посланника, высказался против продолжения подобного сотрудничества, тем более что на свет всё чаще стали всплывать темные делишки Вейсмана, вскрывшие худшие пороки Балканской агентуры. Используя свое положение и связи, он занимался сомнительными коммерческими сделками⁴³, называя себя при этом «поставщиком императорского дипломатического агентства», а также продажей русских заграничных паспортов⁴⁴, окончательно заслужив в глазах российских дипломатов «мерзкую репутацию». Российский дипломатический представитель в Софии Бахметьев имел полное право резюмировать: «Между прочим, ему удалось создать тайную охрану короля Александра в Белграде, за что он получил чуть не 30 тысяч франков, с известным результатом. После этого он сам отдал напечатать частным образом в Софии какую-то пасквильную брошюру против сербского Двора и потом будто бы перехватил ее, остановил распространение и скупил всё издание, за что получил, как говорят тысяч 40 франков, а брошюра теперь преспокойно продается. Он не раз пытался учредить подобную охрану и здесь, но так как князь Фердинанд, несмотря на свой постоянный страх пасть жертвой покушения, не поддался на его заманчивые предложения, он теперь начал распускать новые сенсационные слухи о заговорах, в надежде на этот раз запугать князя и хорошенько от него поживиться»⁴⁵.

В.В. Тржецяк, в свою очередь, в феврале 1902 г. писал в донесении в департамент полиции: «Возвращаясь собственно к сербскому делу, я должен вам доложить, что учреждение агентурной охраны короля на прежних основаниях поставит меня и короля

в крайне двусмысленное положение по отношению к Чарыкову, настойчиво желающему прекратить дело охраны. Не в расчетах агентурного дела нам идти наперекор желаниям нашей дипломатии и создавать помимо них какие-либо конспирации по отношению к королю; с другой стороны, в данном деле мы встречаем особенно серьезную оппозицию со стороны австрийской полиции, находящей сочувствие в оппозиционных сферах, расположенных враждебно к династии Обреновичей. В основательности последней мысли меня убеждает еще и то обстоятельство, что этой полицией уже делались (покушение Грабо) и делаются серьезные попытки в указанном направлении, и эта полиция само собою разумеется не преминет употребить все меры, чтобы провалить наше дело и при малейшей возможности скомпрометировать не только нашу организацию, но и русское правительство, что, несомненно, вредно отзовется на чисто агентурном деле, составляющем нашу прямую задачу. Потому я полагал бы нежелательным возобновлять дело на прежних основаниях: получение денежного вознаграждения от короля делает нас прямо ответственными — не только наш личный состав, но саму нашу организацию.

По моему мнению, было бы осторожнее и предупредительнее, отказавшись от всякого вознаграждения от короля, убедить его, при посредстве нашей дипломатии, что охрана коронованных особ представляет одну из прямых задач нашей организации, имеющей, конечно, лишь главную целью преследование революционно-анархического движения. При такой формулировке вопроса мы могли бы, как это практикуется в Болгарии, оберегать особу короля, не рискуя скомпрометировать себя и ослабить наш авторитет. Такая постановка дела, не обязывая нас ни чему, позволила бы нам прочнее стать во мнении страны в интересах агентурного дела и сохраняя бы за нами в то же время наши прежние полномочия»⁴⁶.

Таким образом, российский балканский сыск окончательно прекратил осуществлять охрану короля Александра. «Насколько своевременным был этот шаг, показали последующие кровавые события в Белграде», — отмечал В.В. Тржецяк⁴⁷. Причем, в русской эмигрантской и революционной среде деятельность агенту-

ры была слишком демонизирована, а отказ от охраны последнего Обреновича породил фантастические слухи о непосредственном участии российского департамента полиции в трагических событиях в Белграде. В качестве примера приведем выдержку из письма эмигранта Феликса Вадимовича Волховского к эмигранту Ивану Николаевичу Кашинцеву от 7 августа 1903 г., в котором он излагает просьбы редакции издававшейся в Женеве антиправительственной газеты «Революционная Россия»: «Вас просят также прислать сведения о русской политике на Балканском полуострове и главнейшие сообщения о македонских делах и революционном движении. Между прочим, меня спрашивали, принимало ли русское правительство прямое или косвенное участие в уничтожении Обреновичей. Вы, вероятно, можете там всё это узнать. Еще просили Вам передать, что давно хотели выслать Вам все издания “Революционной России” и другие издания той же фирмы, но боимся, что проект этот не получит пока осуществления, экспедиция уверила, что за Вами и за другими эмигрантами контора Вейсмана зорко следит, и что вследствие этого неудобно получить эти вещи и что они могут повредить Вашему положению»⁴⁸.

Действительно, события кровавой ночи 29 мая 1903 г. подвели черту истории Сербии эпохи Обреновичей. Российская же разведка неоднократно предупреждала короля о готовящемся покушении. Важно и то обстоятельство, что о заговоре информировал Александра болгарский князь Фердинанд. По сведениям Тржецяка, 25 мая 1903 г. Вейсман «приезжал из Софии в Белград и весьма милостиво был принят покойным королем Александром; во время данной Вейсману аудиенции последний докладывал королю, что имеются агентурные указания на то, что в городе Белграде существует заговор против короля и королевы; на это король возразил Вейсману, что о том же ему уже сообщил болгарский князь Фердинанд и что вскоре он примет меры к уничтожению заговорщиков и заговора. Имеются основания предполагать, что вследствие сообщения Вейсмана, а также полученного королем за день до убийства письма полковника генерального штаба Живаловича [Живановича. — Я. В.], предупреждавшего короля о готовящемся заговоре, король накануне

убийства настаивал на том, чтобы министр-резидент Цинцар-Маркович ввел немедленно в Белграде осадное положение»⁴⁹.

В свою очередь, В.В. Тржецяк, со слов Вейсмана, подробным образом описал ход этого переворота⁵⁰. Н.В. Чарыков также составил рапорты о событиях 29 мая 1903 г., причем, судя по неточностям в изложении деталей этого преступления, он также использовал данные Вейсмана. По крайней мере, ни один из этих документов не упоминает имя ключевой фигуры заговорщиков — Д. Димитриевича (Аписа)⁵¹, что говорит о слабой осведомленности российских полицейских и дипломатических представителей о составе заговорщиков и их планах. Общий рапорт о произошедшем в королевском дворце составил российский военный агент И.Н. Сысоев, который, однако, не будучи непосредственным наблюдателем событий, при подготовке документа пользовался сведениями, почерпнутыми им от Н.В. Чарыкова⁵².

Тем не менее, материалы Балканской агентуры представляют собой ценный источник по истории политической жизни балканских стран начала XX в. и могут стать предметом нового специального исследования.

Примечания

¹ См. подробнее: *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 168–198. В 1906 г. агентура была восстановлена, но не как самостоятельное подразделение, а находившееся в подчинении Одесского охранного отделения. См. также: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Изд-е. 2. М., МГИМО, 2016.

² *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. С. 174.

³ Так, например, В.В. Тржецяк доносил в Петербург о том, что для организации агентуры в Сербии «необходимо взять на постоянное жалование пом.[ощника] нач[альника] тайной полиции Гнедича, на что нужно 1200 фр. Суммы на взятки, подарки, агентам ок. 1600 фр.» // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 505. Ед. хр.76. Л. 1 об.

⁴ Часть радикалов образовала в мае 1901 г. свою партию — Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы» или «младорадикалы»).

⁵ ГА РФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1 об.

⁶ Там же.

⁷ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 45.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 10–11.

⁹ Там же. Л. 18.

- 10 Там же. Л. 12.
- 11 Там же. Л. 29.
- 12 Там же. Л. 32.
- 13 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. Политархив. Д. 499. Л. 83 об.—84.
- 14 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 43 об.—44.
- 15 Там же. Л. 50—50 об.
- 16 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 502. Л. 177.
- 17 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 18 об.
- 18 *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1883—1903. Београд, 1973. С. 839.
- 19 Там же. С. 840.
- 20 Там же. С. 837.
- 21 *Јовановић А.* Министарство Алексе Јовановића. Подаци о политичким догађајима у Србији од 8 јула 1900 до 21 марта 1901. године. Београд, 1906. С. 104.
- 22 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 39.
- 23 Там же. Л. 34—35.
- 24 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 499. Л. 101 об.
- 25 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. II. Београд, 1931. С. 209—211.
- 26 Уже после осуществления переворота газета «Новое время» в номере от 5 (18) июня 1903 г. писала: «Особая комиссия, которая под председательством министра юстиции произвела опись дворцового инвентаря, нашла в письменном столе убитого короля проект закона об объявлении Никодима Луневица наследником престола. <...> Далее комиссия нашла еще проект введения осадного положения и список 75 лиц, которых, в случае возникновения беспорядков, следовало немедленно арестовать. В этом списке был поименован один из нынешних министров Велимирович».
- 27 ГА РФ. Ф. 505. Д. 39. Л. 285. Об этом же визите в своих донесениях упоминал и Н.В. Чарыков, связывая его с ходившими по Белграду слухами о возможном разводе короля, поскольку королева Наталия разорвала все отношения с сыном. См.: АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 498. Л. 295. Кстати, российский посланник, донося о событиях 29 мая 1903 г., заметил, что «нижним чинам было сказано заговорщиками, что король требует их на помощь, чтобы удалить королеву». См.: Там же. Л. 338.
- 28 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 52—53.
- 29 *Раденић А.* Указ. соч. С. 836.
- 30 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 25—26 об.
- 31 Он был убит в ходе кровавых событий 29 мая 1903 г. См. подробнее: *Вишняков Я.В.* Майский переворот 1903 г. и развитие сербской государственности // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Сер. «Bibliotheca Serbica». Российская академия наук, Институт славяноведения РАН. СПб., 2005. С. 201—213.
- 32 АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 209/210. Л. 20—21 об., 33.
- 33 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 498. Л. 402.
- 34 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 22.
- 35 Там же. Л. 49—49 об.

- 36 *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. С. 180–184. См. также: *Вишняков Я.В.* «Уничтожить всю коварную Европу». Авантюристы и террористы на Балканах в начале XX века. // *Родина.* 2007. № 1. С. 39–43.
- 37 Убеждение общественных кругов Европы в том, что именно Вейсман, а не Тржецяк был главой заграничной агентуры российского департамента полиции, долгое время было весьма устойчиво, а затем перешло на страницы исторических исследований. Об этом, например, пишет известный югославский историк В. Дедиер в своей знаменитой книге «Сараево. 1914». См.: *Dedijer V. Sarajevo, 1914.* Knj. II. Beograd, 1978. S. 222.
- 38 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 7–8.
- 39 ГА РФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 39. Л. 421 об.–422.
- 40 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 2. Л. 32–33.
- 41 ГА РФ. Ф. 505. Д. 81. Л. 1.
- 42 Там же. Д. 76. Л. 3. Тржецяк при этом добавлял, что на организацию подобной агентуры потребуется около 60000 франков.
- 43 Так, например, в сентябре 1896 г., используя данное ему летом этого года рекомендательное свидетельство российского консульства в Софии в «удостоверении его честности и правоспособности к совершению актов», Вейсман не только получил у одесского купца Перельмана в кредит на 6,5 месяцев 40 ящиков спичек на сумму 880 франков, но и попросил еще 2800 франков на оплату таможенных пошлин. Перельман, видимо, поверив Вейсману, написал письмо в российское вице-консульство в Софии, в котором выражал готовность дать Вейсману деньги под процент «на сумму до 1000 рублей на срок 4 месяца по расчету 8% годовых, если российское консульство будет гарантировать ... эту сумму и по этому сроку». Правда, в ответе, данном Перельману консульством, говорилось, что «признавая комиссионную контору под фирмой Вейсман и К. солидной, оно тем не менее никаких сумм ему гарантировать не может, так как покровительствуя вообще интересам русскоподданных, оно частными делами не занимается». В декабре 1896 г. Будзилович отобрал у Вейсмана выданное ему российским консульством свидетельство // АВП РИ. Ф. 192. Д. 383. Л. 16 об., 28–28 об., 32–33.
- 44 Так, например, осенью 1899 г. российская миссия в Софии послала официальный запрос в Бухарест в связи с тем, что в августе 1899 г. туда обратился некий Арон Каленов с просьбой выдать ему заграничный паспорт. «Между тем три недели тому назад г-н Каленов получил от Александра Вейсмана заграничный паспорт, выданный в Одессе 24 октября с.г. за № 738. Вследствие этого императорское дипломатическое агентство просит императорскую миссию не отказать навести справку у г. Грабо относительно того, известно ли ему о выдаче Вейсманом означенного заграничного паспорта и может ли сей паспорт считаться законным» // АВП РИ. Ф. 192. Оп. 527. Д. 383. Л. 43–44.
- 45 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 7–8.
- 46 Там же. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 25–26 об.
- 47 ГА РФ. Ф. 505. Д. 39. Л. 423.
- 48 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 3. Л. 42.
- 49 Там же. Л. 112 об.
- 50 Данное донесение в извлечениях было опубликовано нами. См.: *Вишняков Я.В.* «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками»: Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии // *Военно-исторический журнал.* 2001. № 3. С. 68–77. Данный документ вошел в издание «Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник доку-

ментов и материалов». (Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917. Москва–Белград, 2012. С. 104–111).

⁵¹ Вишняков Я.В. «Черная Рука» в сербской политике начала XX века // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 8–13.

⁵² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 22–28.